

Обращение к книге Гете дополняет историю героя в повести «Платок». Причина «рассеянной задумчивости» героя выясняется, когда друг навещает его в дождливый вечер и видит следующую картину: «Потухшая свеча стояла на маленьком столике, на котором он, облокотясь, поддерживал свою голову. Раскрытый Вертер, коего листьями шевелил ветер, сильно дующий в открытое окно, лежал у ног его».³⁸ При неразработанности сюжета повести (выясняется лишь, что герой влюблен в замужнюю женщину) названная книга служит своеобразным символом, наталкивающим читателя на ряд дальнейших ассоциаций. Разумеется, при этом предполагается, что читатель достаточно хорошо знаком с «Вертером».

Самое имя литературного героя становится своеобразным символом — знаком, понятным для посвященных. С изменением внутреннего состояния человека оказывается связанной и переориентация с одной книги на другую. Так, переломный момент в судьбе героя повести А. И. Клушина «Несчастный М-в» обозначен следующими фразами: «Юнг и Попа от него отброшены. „Вертер“ и „Новая Элоиза“ лежали на томящейся груди его» (с. 124). Герой отказывается от «нравоучительного», полезного чтения А. Попа (очевидно, его «Опыта о человеке», весьма популярного в России XVIII в.) и даже от «утешителя несчастных» Юнга, воспринятого здесь, по-видимому, как поэта-философа. На смену этим авторам приходит Гете, автор «Вертера», и Руссо.

Обычно, и не без основания, повесть А. И. Клушина рассматривают в русле традиции «русского вертеризма». Но не менее важна и ориентация на роман Руссо с его демократическими тенденциями, безусловно, привлечшими русского автора — Клушина. Конфликт его повести имеет ярко выраженный социальный характер: препятствием к соединению «несчастливого М—ва» с его возлюбленной Софьей оказывается их неравенство. «Несчастный М—в» — бедный учитель, который, «кроме достоинств ничего не имеет», Софья — дочь знатного и богатого человека. Главное же, упоминание книг, составляющих чтение героя, имеет значение для «узнавания» читателем не столько знакомого ему сюжета, сколько литературного образа, типа характера.

Ориентация на того или иного литературного героя, разумеется, никогда не означает полной идентификации с ним. Каждый писатель по-своему читает, по-своему интерпретирует прочитанное.

Я. Галинковский назвал своего героя «вторым злополучным Вертером».³⁹ Сперва он страдает от неразделенной любви, затем становится «счастливым любовником», но его возлюбленная оказывается вероломной. Судьба героя очень отдаленно напоминает историю Вертера, да и характеры их имеют не так уж много общего. «Второго» Вертера не могло быть, но мог быть «новый Вер-

³⁸ Улей, 1811, ч. 2, № 7, с. 133.

³⁹ Галинковский Я. Часы задумчивости. М., 1799, ч. 1, с. 8.